

Петр Афанасьевич Верхотуров
(14 октября 1925 – 15 октября 2009 гг.)

Родился в селе Будюмкан Усть-Карского района Читинской области. Рано остался без родителей. Воспитывался в Олинском детском доме, учился в Нерчинском сельхозтехникуме.

Ушел в армию 3 января 1943 года. В мае 1944 года окончил Забайкальское военно-пехотное училище и уехал на фронт. Воевал в 340 Сумско-Киевской Краснознаменной дивизии на 1 и 4 Украинских фронтах. Лейтенант, командир стрелкового взвода. Дважды ранен: в августе 1944 года под городом Львовом и 20 января 1945 года в Польше под городом Бельско-Бяла. Лечился в госпитале до конца августа 1945 года и был демобилизован. Инвалид Великой Отечественной войны, награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

После войны работал в Читинском геологическом управлении техником-геофизиком, начальником поискового отряда, геологом. Из 35 лет работы – 25 полевых сезонов в поисково-съёмочных партиях.

Рядом в клочья землю рвут снаряды,
Ищут пули голову мою.
Неживой упал товарищ рядом,
Может упаду и я в бою.

Но тревожусь за себя не очень,
Я из веры выковал броню,
Потому и жив, хоть днем и ночью
Всё хожу у жизни на краю.

Снова мина пролетела мимо,
Жив и в этот раз. Не в этом суть.
Я умру, но Русь неодолима,
За меня другой продолжит путь.

Не убить ни бомбой и ни пулей –
Жизнь бессмертна. Тленью вопреки,
Возле дуба сломанного бурей
Зеленеют новые ростки.

Где, как тесто, месят мясо танки,
Где пожаты слезы, смерть и кровь –
Как цветок на выжженной полянке
Расцветает чья-нибудь любовь.

Несравнимы с ордами Батыя,
Зверствуют враги, коварны, злы,
Но моя великая Россия
Вновь встает из крови и золы.

П. А. Верхотуров

Посвящается Верхотурову П.А. –
ветерану ВОВ, геологу

Ветеран

Созревал пусть в жизни с ада он.
Убивал. Так было надо.
На войне дают награды
Не художникам, а воинам.

Выживал. Сметливость русская
На войне слыла искусством.
А притупленные чувства
Обостряются особенно.

И в натуре человеческой
Живо только то, что вечно.
Пусть он телом покалечен,
Но душа зовет к Прекрасному.

Так слова стихами-строим,
Мысли-пчелы в песне роем,
Что с годами мы откроем
Светом-тенью или красками.

Мы сидим с ним в его праздник,
Озабоченные, разные.
Мы собрались как-то сразу
По устойчивой традиции.

Задаем вопросы, слушаем.
И летают наши души
В жизни той, далекой, дружной.
И светлеем, вроде, лицами.

(автор Сверкунов Владимир – геолог АО «Читагеолсъёмка», 2008)

БЫЛ В ДУШЕ ОН НЕМНОГО ПОЭТОМ...

*Если вы вот тетрадку эту
Прочитаете, то скажите:
- Был чудак немного поэтом -
За стихи меня не судите.
Я поэзией не кормился,
Нас кормили, как волка, ноги.
Стих оттачивать не трудился,
Находясь всё время в дороге.
И вниманием не испорчен.*

*Не искал я славы поэта,
Ради денег за жизнь
ни строчки
Не в толкнул ни в одну газету.
И когда вы тетрадку эту
Прочитаете, то скажите:
- Был в душе он
немного поэтом.
За стихи меня не судите.*

Слово о мастере

23 ноября было 40 дней, как ушел из жизни Петр Афанасьевич Верхотуров - один из талантливых фотомастеров Забайкалья, участник и призер многих областных, российских и всесоюзных выставок.

Он много путешествовал по области, был влюблен в Север, старался запечатлеть неповторимую его красоту и своеобразие. В каком бы жанре он ни работал, его фотографии всегда выгодно отличались целостностью экспозиционного решения, тщательностью оформления, ярко выраженной авторской позицией. Вглядываясь в его снимки, нет нужды говорить о том, как он любил природу, какую роль она играла в его жизни. Большой творческой удачей стала его фотография «Чарские пески», которая была опубликована во многих престижных фотографических изданиях и стала впоследствии визитной карточкой народного фотоклуба «Даурия».

Важное место в его творчестве занимали лирические портреты, тонко выражающие настроение и состояние человека. С особой нежностью он снимал детей и стариков. Почему? Наверное, прежде чем рассказать людям о чем-то, нужно самому увидеть в каждом сюжете бесконечно много. Всмотритесь в облик ста-

Арахлей

рика на фотографии «Партизан» - в нем сконцентрированные временем мудрость и доброта. А сколько естественности и раскованности!

Как определить художественная фотография перед вами или нет? Об этом мы много спорили

на заседаниях нашего фотоклуба. Я знаю только один способ. Смотреть! И если под вашим взглядом изображение - будь то безлюдный и пустынный пейзаж, портрет, репортажный снимок или что-то иное - начинает увлекать в свою, пусть вовсе и не похожую на вашу жизнь, рассказывать вам даже о том, чего, собственно, и нет в пределах кадра, - значит, человек, сделавший эту фотографию, художник. Таким человеком был Петр Афанасьевич. Каждый, кто имел счастье работать, быть с ним рядом, знает его как доброго, душевного и общительного человека.

Нам, членам фотоклуба «Даурия», выпало счастье на протяжении многих лет принимать участие в различных художественных выставках и конкурсах, и практически всегда при отборе работ мы прислушивались к мнению Петра Афанасьевича. В творчестве он был свободен от подражания, всегда понимал и чувствовал все новое.

С фотоаппаратом Петр Афанасьевич никогда не расставался, потому что считал: истинно хороший снимок

подсказывает сама жизнь и, как правило, неожиданно. Он снимал простые, незамысловатые будни и находил радость во всем, что его окружало. Он знал настоящую цену таким простым вещам, как доброе слово или теплый солнечный день. И все это есть в снимках большого мастера.

На фотографиях Верхотурова гармоничный и поэтический мир. Эта гармония шла от самого Петра Афанасьевича. Он творил эту гармонию как бы против самой жизни, потому что в жизни-то ему хватило трудностей. Рано остался без родителей. Воспитывался в детском доме. В 18 лет ушел на войну. Дважды ранен. Инвалид Великой Отечественной войны, награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени. После войны работал геологом. Из 35 лет работы - 25 полевых сезонов в поисково-съемочных партиях.

Здоров ли был или болен, до последних дней жизни он оставался требовательным к себе, работал много, настойчиво, с огромным увлечением. Труд был для него как спасение, а творчество как исцеление.

Кроме фототворчества, занимался любительским кино, коллекционированием и обработкой камня, резьбой по дереву, писал стихи.

Петр Афанасьевич ушел из жизни, так и не успев завершить многое из задуманного, но за годы своей неутомимой творческой деятельности внес значительный вклад в забайкальскую фотографию.

Низкий ему поклон за этот самоотверженный и нелегкий труд!

Валентина ЛЕСКОВА

Реквием по ушедшему другу

Когда Петя Верхотуров, старинный мой приятель, раскрыл свои закрома и показал изготовленные собственными руками поделки, я удивился до крайности. Это были кабошоны - маленькие, в несколько миллиметров изделия из цветных камней, главным образом из халцедона и сердолика. Они сверкали радугой, волнующе светились на бархате в миниатюрных шкатулках, тоже изготовленных собственноручно.

Было ясно, мастер глубоко понимает природу самоцветов. Кропотливая работа в примитивных домашних условиях требует колоссального терпения, точного глаза, твёрдой руки, знания материала и многолетних навыков. Слушая вдохновенную музыку камня, мастер настраивался на многоцветную волну, и душа его отзывалась поэзией.

*Прекрасное часто от глаз
невнимательных скрыто.
Оно не кричит,
на весь свет о себе заявляя,
Вот камень как камень, невзрачный,
налётом покрытый.
А что в середине - распилим, тогда и узнаем.
И вот в мастерской открывается
вдруг под пилою
Прихотливый рисунок и яркие
краски агата:
То космоса бездна,
то пена морского прибоя
С экзотической рыбой, то красные крылья заката,
Весенняя пашня, осенняя сжатая нива,
Мотыльков эфемерная пляска
в ночи возле света.
Даурские степи. Строительства мирные взрывы.
Квадратное око. Ландшафт неизвестной планеты.
То встретится дивный узор
(иллюстрация к сказке!),
Нерукотворное чудо, не блекнущее веками,
Вобрали в себя забайкальского лета все краски
Агаты, агаты - застывшая радуга в камне.*

Вот так началось после тридцатилетнего - первого наше вторичное знакомство с Петром Афанасьевичем Верхотуровым.

Я знал, что он бывший фронтовик, геолог, фотограф, кинолюбитель, всегда бодрый, с хитровой улыбкой - путешественник-непоседа. У него 25 лет полевого стажа, и каждый геолог снимет перед ним шляпу.

Родина его – п. Будюмкан, далёкое глубинное село в газимурской тайге за высокими горами и своенравными реками. Можно представить первобытную, кондовую жизнь окраинных российских аборигенов: охота, рыбалка, сиротский клин таёжной пашни. Вот в такой натуральной глухомани и набирался житейской мудрости малец Петька Верхотуров. Семья была большая, да и родни,

считай, полсела. Дед Иван имел пятнадцать сыновей и одну дочь и, располагая такой могучей тягловой силой, жил в достатке. Естественно, слыл кулаком, хотя считался известным тружеником с золотыми руками.

Бегал семилетний Петька по кедрачам и рыбалкам и не задумывался о судьбе. Но век ушедший немалую долю жестокости обрушил и на его белобрысую головушку. Всевидящее око власти упорно разыскивало и находило врагов даже в таёжных дебрях. В начале 30-х навсегда исчез из жизни Петра отец Афанасий Иванович. Матери с малолетним выводком было велено покинуть родное подворье, искать пристанище в других краях. Лесоповал на Хилке - летом; уборка овощей в хозяйстве под Нерчинском - осенью; постылая многосемейная землянка на Приисковой в жестокий мороз - вот первые жизненные университеты не по годам взрослеющего юнца.

«Мать заболела тифом. Я проснулся, сестрёнка плачет. «Чего ревёшь?» - «Мамка умерла». И стал я болтаться сам по себе. Одел шмутье и подался на станцию Приисковую. Нас много было беспризорников, то время мне напоминает нынешнее, - огорчённо вздыхает рассказчик. - Мы чем перебивались? Куски собирали. На вокзале столовая была. Народ заказывал еду, а тут звонок, второй, третий, пассажиры бросают всё, бегут к поезду, а мы набрасывались и доедали остатки. Военные строили мост через Нерчу, у них столовая была. Добрые мужики были - хлеба ломоть сунут, у нас баночки были под кашу, тоже, бывало, дадут. Потом старшой сменился, выгнал нас оттуда. И стал я ходить за 7 километров в Нерчинск просить милостыню».

Петькиным мыканьям в олинском детдоме позавидовал бы сам автор «Педагогической поэмы»: «Ой, какие жестокие времена были. На другой день меня обокрали. Костюм продали, надел я старенькую рубашонку. Стали науськивать на меня маленького шпанёнка, тот - раз меня по лицу... кровь, плачу. Проходит день, другой - опять у меня кровь и слёзы. И я понял: если меня лупят, значит, надо драться. Вот какую боль во мне воспитали».

Кроме жесткой науки воспитания, среди детдомовской шпаны постиг Петька и другую: он успешно окончил в Олинске семилетку и даже поступил в сельскохозяйственный техникум, но время готовило новые испытания. Уже вовсю гроыхала война. Долго уговаривал Пётр работников военкомата, наконец, стукнул ему семнадцатый и надел он военную форму. Овладев воинской наукой в дивизионном пехотном училище, младший лейтенант Верхотуров отправился в 60-ю действующую армию, которой в то время командовал Пётр Алексеевич Курочкин, бывший командующий ЗабВО.

*До фронта лишь четыре километра - и война.
И вот сюда порывом теплым ветра
Доносит запах пороха она,
Доносит пулемётную чечётку,
И слышно, мины воют в вышине.
И хочется запомнить этот час,
Ракеты и огни, плывущие над лесом.
И пушек отдалённый грозный бас.
И хочется запомнить миг короткий,
Когда ты прикоснёшься вплоть с войной.
Война, война, по книгам да по сводкам
Я знал лишь до сегодня о тебе.*

«Почему я сочинял стихи? Ведь я нигде не учился стихотворству, рифмы сами по себе рождались в душе: я выражал сам себя. У меня осталась Нерчинске любовь, я как бы для нее вёл стихотворный дневник, делился с ней впечатлениями обо всём, что со мной происходило... Наутро за мной пришёл боец и повел меня на передовую, там взводного убили. Идём по полю дорогу развезло, грязь, лужи. Вдруг взрывается совсем рядом случайный снаряд, следом ещё один. Боец сразу упал и кричит: «Ложись!» А я в новой шинели из английского сукна пошита как раз по моему росту, сапожки по размеру, португепя похрустывает новыми ремнями - как это падать в грязь? Так и простоял во весь рост, хотя осколки падали рядом. Сдуру, конечно, простоял, но сопровождавший солдат рассказал в роте, что лейтенант не из робких».

**По войне я прошёл, как по аду,
Сердце нежным и чистым храня.
И с какой-то трепетной отрадой
Возвратился в милые края.**

.....

**В моей памяти никогда
Не умрут фронтовые друзья,
Никогда не забуду я вас и врачей,
И заботливых рук медсестры.**

**Солнце взошло, и блеснит
На траве жемчугами роса,
И на землю пролились
золотые потоки лучей.**

.....

На передовой солдаты, с лихвой нанюхавшись пороха, взглянув на безусого парнишку-командира, решили жить привычно, разболтанно, как это было при прежнем взводном. «У меня сразу мысль: батюшки! К нашему расположению ложбинка от немцев вела и ниоткуда не простреливалась. Думаю, немцы не дураки, они ночью подползут и забросают нас гранатами. Приказал немедленно перенести огневую точку, исправил допущенную оплошность. А днём они совсем обнаглели - пикнуть не дают, кто из наших вылезет, тут же убьют или ранят. Что за жизнь, их же подавить нужно! Надо порядок наводить. Я всё учёл, ночь не ложусь, проверяю посты, пример показываю, завоёвываю авторитет».

Жизнь рядом со смертью быстро внесла свои поправки, и взвод лейтенанта Верхотурова в полной мере стал постигать простую истину: хочешь уцелеть, дожить до Победы - воюй по-суворовски, превзойди в искусстве боя врага. Кстати, командир ещё в училище хорошо овладел мудростью великого полководца и в пределах положенного берёг своих солдат, старался внести свои тактические поправки, когда становились очевидными промахи штабистов. Цена эта оплачивалась собственной кровью, личным примером, умением моментально ориентироваться, предугадывать тактику противника, вселяя уверенность в товарищей по оружию: твоя пуля справедливей вражеской.

«Мы наступали, дело было на Днестре, 4 Украинский фронт. Я шёл впереди с первым взводом. Идём по лесу, ливень грянул, наблюдатели потеряли друг друга, солдаты растерялись. Я на опушку высунулся, а там бугорок метрах в пятидесяти и пять немцев у пулемёта. У меня пистолет и граната. Я пополз по картофельной борозде, ботва выше меня. И оказался между своими и немцами. Крикнуть своим «Огонь!» - немцы меня тут же кончат. Дурак дураком, не знаю, что делать. Выдернул чеку, швырнул гранату и вперёд бросился, одних перестрелял, другие побежали. Что делать? Хватаю немецкий пулемёт, а он заклинил. Хватаю брошенную винтовку - не стреляет. Но я знал их технику, перевёл рычажок и... упал один, другой. Разогнал их. Я в училище водку не пил, по бабам не бегал. А в штабе было полно немецкого оружия, вот я его изучил, всё это пригодилось. Потом глянул - танк Т-34 наш, подбитый, а под ним немцы по нашим лупят из пулемёта. Разворачиваю пулемёт и открываю огонь. Немцы бегут. Собрал пулемёт, ленты, стволы запасные. Взглянул с бугорка, а там за Днестром миномётные гнёзда, сейчас по нам ударят. «За мной!» - кричу и свой взвод увожу в лес. Мины лупят по нашим взводам. Мои все целы, а во втором взводе двое раненых и один убитый. На глазах своих людей показал, как надо действовать. Посмотрели, доложили: надо наградить. И вручили Орден Красной Звезды».

А дальше - на войне как на войне. Случайная мина остановила победное шествие нашего земляка. Это случилось в Польской Силезии осенью 1944 года. Осколок попал в левое плечо, сломал ключицу, расколол лопатку. Много раз встречался я с Петром Афанасьевичем, и никогда не приходила мысль, что левая рука у него не действует. Никто не догадывался об этом. Но как же он в

полевых партиях вьючил лошадей тяжёлыми тюками, как переплывал Шилку в половодье, как одной рукой подтягивался на перекладине, как играл в лапту с ребяташками и многое другое... как?

Осенью 45-го ему исполнилось двадцать лет. Свою новую жизнь он начал в Чите воспитателем в детском доме №1. Сам бывший детдомовец, он с большой любовью и пониманием юных душ делил с ребяташками радости и печали. «Мне на высоте надо было быть, чистым. Я святой перед ребятами, как на фронте перед солдатами». Семь лет Пётр Афанасьевич воспитывал юных питомцев, а затем, окончив курсы операторов-геофизиков, начал долгий и трудный жизненный маршрут с геологическими партиями, «шагая долго по эпохе и в сапогах, и босиком».

Жизнь его уложилась в 84 года и была далека от благоденствия. Судьба сверх всякой меры посылала ему суровых испытаний и житейских невзгод, но не могла поколебать в нём любовь к Отечеству, наградила чистым сердцем, раскрытым настежь, кристальной честностью и высоким благородством души, за что и чттили его земляки. Таким и останется Пётр Афанасьевич в нашей памяти.

Николай ОСИПОВ

П. Верхотуров

***Для
сердца и души***

Петр Афанасьевич ВЕРХОТУРОВ
(14 октября 1925 – 15 октября 2009 гг.)

Родился в селе Будюмкан Усть-Карского района Читинской области.

Рано остался без родителей. Воспитывался в Олинском детском доме, учился в Нерчинском сельхозтехникуме.

Ушел в армию 3 января 1943 года, окончил Забайкальское военно-пехотное училище. Воевал в 340 Сумско-Киевской краснознаменной дивизии на 1 и 4 Украинских фронтах. лейтенант, командир стрелкового взвода. Дважды ранен, инвалид Великой Отечественной войны, награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

После войны работал в Читинском геологическом управлении техником-геофизиком, начальником поискового отряда, геологом. Из 35 лет работы – 25 полевых сезонов в поисково-съёмочных партиях.

* * *

На заре, моя родная,
Мы расстались с тобою,
Я ушел, сказав: "Прощай". –
От тебя.

И меня ты провожая
Помахала вслед рукою:
- Не забывай меня.

Сразу сердце застучалось
Так печально и тревожно,
Как гитарная струна,
И назад
Захотел я возвратиться,
Но вернуться невозможно:
Война, а я –
Солдат.

3-4 января 1943 г.

Для сердца

Только что любовь и сразу же разлука.
Сердце, что ты ноешь? Перестань!
Не на век теряем мы друг друга,
Успокойся сердце, твердым стань!

Твердым, как оно должно быть у солдата
Слышишь, меня Родина зовет?
Мне нельзя, нельзя здесь быть, когда там
За Россию смертный бой идет.

Только полюбить и потерять друг друга
Больно, сердце, но ты победи.
Это же военная разлука –
Если любишь, стало быть, иди!

1943

* * *

Надо мною лазурь небес –
Не окинешь взглядом за раз,
Но еще не хватает мне
Океана твоих глаз.

Расцвятилась степь кумачом,
Сколько маков! Сочтешь ли их?
Но еще не хватает мне
Алых, ласковых губ твоих.

Теплый ветер, ласкаясь застыл
На щеке холодной моей,
Но еще не хватает мне
Нежной ласки твоей.

Я не слышу, как голос твой
Рассыпается и звенит.
Я не вижу, как нежный взор
Огнем и любовью горит.

Я не чувствую, как твое
Бьется сердце, живей огня
И вздымается, как волна,
И волнуется грудь твоя.

Далеко от Збруча Нерча,
Так же ты от меня далеко,
Между мной и тобой
Много верст пролегло.

Хоть тебя я как прежде люблю,
А любовь чиста, как слеза –
Руку твою в свою не возьму,
Не загляну в глаза.

Ты теперь от меня далеко,
О тебе вспоминаю с тоской.
Хоть уйду я на край земли –
Мои мысли всегда с тобой.
1944 г.

* * *

До фронта лишь четыре километра.
Четыре километра – и война.
И вот сюда порывом теплым ветра
Доносит запах пороха она.

Доносит пулеметную чечётку
И слышно воют мины в вышине.
Война, война. По книгам, да по сводкам
Я знал лишь до сегодня о войне.

Лежу я на соломе под навесом
И хочется запомнить этот час,
Ракет огни, плывущие над лесом
И пушек отдаленный грозный бас.

И хочется запомнить мир короткий,
Когда соприкоснешься вплоть с войной.
Я новичок, по книгам, да по сводкам
Знаком я с новой жизнью фронтовой.

* * *

Вот не сплю я в полуночный час,
Люди мало спят на войне.
Что же делаешь ты сейчас,
Вспоминаешь ли обо мне?

Вспомнил я: мы сидим у окна
И, мечтая, глядим на луну.
У нас тоже вошла луна
И совою глядит на войну.

Вместе с ночью опасность пришла,
Смерть, как тигр, идет по пятам.
Только знаешь, мне смерть не страшна,
Почему – я не знаю сам.

Вот снаряд пролетел в вышине,
Разорвался, сломал тишину.
Дорогая, хочешь тебе
Расскажу про себя, про войну?

* * *

Присела ночь над дремлющей землей,
Вся в звездах, растопорщившись хохлаткой,
Накрыла тихо край передовой,
Как пулями пробитой плащ-палаткой.

Сегодня ночь тиха. Как хищный зверь
Притихла, притаилась оборона,
Лишь изредка взлетит ракета вверх,
Рассыплется сверкающей короной.

Или в пространство пуля пролетит,
Прочертит трассу длинную на запад
И снова тихо, только у реки
Камыш бродяга - ветер шевелит,
Обманывая шорохом солдата.

* * *

В конце фруктового сада
Грохнул разрыв снаряда,
С яблонь листья зеленые
Сорвала взрывная волна,
Прервала их жизнь короткую
Беспощадная война.

Листва на землю упала,
Опять тишина настала,
Опять соловей по-прежнему
Запел в ночной тишине
О любви песню-мелодию,
А быть может о войне.

Так война косою своей
Выводит из жизни людей.
Мы не думаем и не знаем,
Что из нас кого-то убьет,
Кто-то тихо песню заветную
За два шага от смерти поет.

* * *

День и ночь по дороге военной
Я с боями на запад шагал,
Наконец, у разбитой деревни
Объявили короткий привал.
Распрямляя отекавшие ноги,
Под каштаном у пыльной дороги,
Я усталый прилег на земле
И во сне появилась ко мне.
Улыбка твоя оживила меня,
Слышу голос я твой в тишине
Поцелуй на щеке и рука на руке
Больно сердце встревожили мне.

Пролетели минуты, как пули,
Не успел досмотреть я свой сон
И опять среди зноя и пыли
По дороге идет батальон.
Чем бы кончился сон, я не знаю,
Только счастлив, что любит такая.
И, согретый улыбкою милой,
Я вперед иду с новой силой.
Улыбка твоя оживила меня
Хоть и было все это во сне.
И когда иду в бой, верю встречу с тобой.
Если веришь – сильнее вдвойне.

Врагами подожженный дом пылает,
Огонь по крыше красной кошкой скачет
И аист над пожарищем летает,
Он, как ребенок, над гнездовьем плачет.

А в домике несчастном аистином
Уж беспощадным пламенем объят
Зовут его, захлебываясь дымом,
На помощь желторотые птенчата.

Он мечется над ними все сильнее,
Но им помочь никак, ничем не может.
О, только мать одна понять сумеет
Какое горе сердце птицы гложет.

Огонь взметнулся выше в вечер синий
И затрещала, оседая, хата,
Слизнуло пламя домик аистиный,
И вместе с ним сгорели аистята.

И разве за сожженный дом простится
Фашистской озверелой дикой своре,
Когда не только людям, даже птицам
Они приносят смерть и злое горе.

* * *

Зажила, затянулась рана,
Бросил в угол я свой костыль.
И сентябрьским утром рано,
Поднимая густую пыль,
Грузовик разбитый, чихая,
Меня снова везет на фронт.
Там огнем пожарищ играя
Алой кровью горит горизонт.

Я вперед не гадал, не знаю,
Уцелею ли на войне.
Может быть судьба роковая
Приготовила пулю мне.
Только я почему-то верю,
Что живым возвращусь домой
И назло фашистскому зверю
Скоро встречусь опять с тобой.

Пусть бушует вьюга стальная
Буду песни петь о весне!
На холодной земле засыпая
Буду видеть тебя во сне.
Даже в самых тяжких минутах
В моем сердце ты будешь жить
И со мною в походах трудных,
И в атаки будешь ходить.

* * *

Рядом землю в клочья рвут снаряды
Ищут пули голову мою.
Неживой упал товарищ рядом,
Может упаду и я в бою.

Но тревожусь за себя не очень,
Я из веры выковал броню,
Потому и жив, хоть днем и ночью
Все хожу у жизни на краю.

Снова мина пролетела мимо,
Жив и в этот раз. Не в этом суть.
Я умру, но Русь неодолима,
За меня другой продолжит путь.

Не убить ни бомбой и ни пулей –
Жизнь бессмертна. Гленью вопреки
Возле дуба, сломанного бурей,
Зеленеют новые ростки.

Где как тесто, месят мясо танки,
Где пожары, слезы, смерть и кровь –
Как цветок на выжженной полянке
Расцветает чья-нибудь любовь.

Несравнимы с ордами Батыя,
Зверствуют враги, коварны, злы,
Но моя великая Россия
Вновь встает из крови и золы.

Война, как волны лодку в море синем,
По всей земле кидает нынче нас,
Два дня назад, я был на Украине,
Пылю дороги польские сейчас.

Над Польшей тучи хмурые нависли.
Сегодня я по Жешуву иду,
А завтра буду может быть на Висле,
А через месяц Одер перейду.

Ещё ходить придется очень много,
Но как легко, коль знаешь наперёд,
Что трудная военная дорога
К победе, к дому, к счастью приведет.

Осень бредет, как большой великан
В золотом шитой цветастой шинели,
Листья роняет в разбитый фонтан
И стелет персидский ковер у траншеи.
Осень всегда пробуждает во мне
Легкую грусть, как дымок от сигарки.
И вот я сильнее грущу о тебе
В грязном окопе, в оранжевом парке.

За фольварком осеннее утро
Пробудилось, играя везде,
Переливами перламутра
Отразилось в спокойной воде.

Из-за дома каменной стенки
Солнца выглянул масляный блин.
Словно алые губы паненки
Улыбнулись гроздьям рябин.

Зарумянилась польская осень,
В позолоте качается клён,
Широко свои ветви разбросив,
С липой шепчется, словно влюблён.

Обнимает ветвями стан тонкий,
Шепчет ей: "Не грусти, не горюй!"
Воздух чистый, прозрачный и звонкий,
Кровь волнуется, как поцелуй.

Бардзо добже картина. Однако
Я немного её омрачу:
Как уж есть – крестьянина-поляка
Вшистка едно сюда включу.

Он под осень пашет полоску
На худом, как скелет, быке
И ругает его в матку-боску
Пан на русском языке.

Клен роняет золотые листья,
Блекнет поздней осени краса.
На стекле оконном серебрится
Дождевая светлая слеза.

Грусть, как моль, изъела сердце. Ладно
Поняла полячка грусть мою:
- Пан тоскует о коханке, правда?
Хочет пан, я песенку спою?

Клен роняет золотые листья,
Блекнет польской осени краса
И поет мне песенку Марися
Про любовь, про синие глаза.

И мои мечты далече скачут,
В край далекий, где живет Она.
За окном дождями осень плачет,
А на сердце ясная весна.

* * *

К земле, покрытой снежною порошею.
Припав всем телом, я в цепи лежал.
Летели пули густо, как горошины
И разъяренный землю рвал металл.

Усталый я, продрогший, неуверенно
Мечтал тогда о солнце, о тепле
И вдруг... Походкой легкой и размеренной
Ты подошла, красивая, ко мне.

Ты подошла, сказала очень ласково:
- Будь смелым, милый, не плошай в бою
И помни обо мне. Надень же каску-то,
Еще убьют, а я тебя люблю.

- Откуда ты взялась, моя хорошая? -
И я тебя к груди своей прижал...
Летели пули густо, как горошины
И разъяренный землю рвал металл.

Здесь про тебя я сам все это выдумал.
Хотелось мне увидеться с тобой.
Усталый и продрогший я в цепи лежал
И душу грел заветною мечтой.

* * *

Силуэты гор горбатых
Утерялись в синей дали.
Я в заснеженных Карпатах
Вспомнил вёсны в Забайкалье.

От цветущего багула
Заалеют сопки склоны
И ручьи с весёлым гулом
Побегут в лесах зеленых.

Кружева черемух белых
Над рекой весна развесит
И висят они, качаясь,
Под напев таежных песен.

Ясный день улыбкой солнца
Заиграет в речке чистой,
Принесет упругий ветер
Аромат цветов душистых.

День угаснет. Смолкнут крики
Птиц. Заря умывает запад
Соком алым, как брусника,
А кругом смолистый запах.

Полюбил навеки с мала
Я родное Забайкалье
И душа истосковалась
О далеком милом крае.

Возвращение

На соседний сад
Упал розоватый рассвет.
Тихо в палате, товарищи спят.
Мерно, глубоко дыша.
Я проснулся с пением птиц
И уже на ногах, одет
Собираю в дорогу походный мешок
Не суетясь, не спеша.

Госпиталь мой!
Вот прощаюсь с тобою: "Пока!"
Я полгода по койкам валялся
И отлежал бока.
И опять я здоров. Не беда
Что висит на повязке рука,
Хорошо, что рука –
Не пустой гимнастерки рукав.

Костылями стуча, проводил
За ограду калека-дружок,
На прощанье мы с ним обнялись
И он долго смотрит мне вслед.
Вскинув на здоровое плечо
Солдатский вещмешок
Я иду начинать инвалидную жизнь
В двадцать неполных лет.

Я оттуда ушел навсегда,
Опустела койка моя,
Но другого введут: "До тебя
Здесь лежал паренек из Читы" ...
В моей памяти никогда
Не умрут фронтовые друзья,
Не забуду я вас и врачей,
И заботливых рук сестры.

Солнце взошло и блестит
На траве жемчугами роса
И на землю пролились
Золотые потоки лучей.
По зеленому лугу
Я печально иду на вокзал,
Покалечен войной,
С болью в душе и плече.

Там далеко, позабыв
Меня многие, знаю, не ждут
Иль считают погибшим в бою.
Зачеркнувши в списке живых.
Но я жив. Но я жив!
И так сильно хочу еще жить,
Чтоб работать, смеяться, грустить,
Ненавидеть, любить.

* * *

Мы от России с каждым днём всё дальше
И грустно мне, и радостно вдвойне:
Ведь ближе с каждым днем к победе нашей,
А стало быть, всё ближе и к тебе.
В чужом краю от Родины далече
Еще сильнее жду с тобой я встречи.

Теперь недолго ждать победы надо,
Мы скоро по домам вернемся вновь.
За ратный труд – мир лучшая награда,
А мне вдвойне: ещё твоя любовь.
Но следуя отдельных лиц примеру
Положено дарить и кавалеру.

Ты не найдёшь в моём мешке солдатском
Ни заграничных туфель, ни часов.
Я привезу тебе стихов тетрадку,
В разлуке сбереженную любовь
И много слов и нежных, и хороших
Дороже денег, золота дороже.

Я жду и верю, что в конце разлуки
Почувствую на шее после бурь
Любимые и ласковые руки,
Увижу глаз весеннюю лазурь.
Сердца как прежде рядом застучатся,
Чтоб больше никогда не разлучаться.

* * *

Мне любовь в глухой ночи светила
Заставляла пламенем гореть,
Придавала бодрости и силы
И вела на подвиг и на смерть.

По войне прошёл я, как по аду,
Сердце нежным, чистым сохраняя,
И с какой-то трепетной отрадой
Возвратился в милые края.

Но пока я где-то на чужбине
Воевал, лежал в госпиталях,
Арлекин похитил Коломбину
И она теперь не ждет меня

Долго шёл я к милому порогу
И пришёл, но здесь не отдохну.
Завтра выйду в новую дорогу,
Пережив измену и войну.

* * *

Мне в тайге проводника не надо,
Здесь я свой. Весь край исколесив,
По лесам шагаю без преграды
Гордый, сердцем чист, душой красив.

Думы

Бреду ли маршрутом по горам в тайге,
С друзьями ль сижу у костра в час вечерний –
Все думы и думы в моей голове
Ползут, словно дым, копошатся, как черви.

Никак я смятенной душе не найду
Покоя в таежной затерянной дали
И в мыслях опять возвращаюсь в Читу,
Как будто в Чите я полсердца оставил.

Уехав хотел я забыть обо всем
И думал меня оградит расстоянье,
Но думы о прошлом, о крае родном
Как будто случайно привез в чемодане.

Их даже рассудком и то не убьешь,
Никак не удержишь под строгим запретом,
Ведь сам от себя никуда не уйдешь,
Хоть даже уйдешь на край белого света.

* * *

Шумит тайга – зеленый океан
И гребни гор застыли, словно волны.
Плывут у горизонта скалы-челны,
Над ними – рваным парусом туман.

Какая ширь! Какая даль!... Сюда
Пришел я и моложе стал годами,
Остались позади моя беда
И все, что прожил – где-то за горами.

Я к вам, небес таежных бирюза
И вечный шум лесов, как шум прибоя,
Пришел забыть любимые глаза,
Наполнить сердце сладостным покоем.

Теперь без вас я счастья не найду,
Теперь без вас я радостным не буду.
И каждый день я по тайге иду,
Но не к теплу иду и не к уюту.

Судьбой мне путь далекий, трудный дан
И вслед мне машут великаны-кедры.
Под солнцем летним ласковым и щедрым
Шумит тайга – зеленый океан.

* * *

Наша жизнь – у горной чистой речки
Белые, как лебеди, палатки,
Рюкзакom натруженные плечи,
На одежде пестрые заплатки.

Лица, почерневшие от зноя,
Руки, огрубевшие от ветра, –
Это непролазную тайгою
Исходил ты сотни километров.

И рубашки мокрые от пота,
Отдыха короткие минуты -
Это до полночи ждешь кого-то,
Если он задержится в маршруте.

Наша жизнь – среди тайги дремучей
У костра смех, песни под гитару.
Рядом с песней, с юностью кипучей
Молодеет сердцем даже старый.

А венец всему – большая дружба,
Верность – лучше верности собачьей,
И услуги – в дружбу, а не в службу,
Труд и хлеб совместно – не иначе.

* * *

У нас в Гыр-Голуне
Расцветает багул в июне,
Долго зима бушует,
Поздно приходит весна.
Ждешь её с радостным чувством
И все же немного грустно,
Как милую ждешь на свиданье
И вдруг опоздает она.

У нас в Гыр-Голуне
Природа нас не балует:
Мох да голые камни,
Да хилые кедрy растут.
Здесь горы кругом изрыты,
Здесь круглые сутки граниты
В жару, в мороз и в метели
Станки буровые грызут.

Может не зря потели,
Там, где бродили в тайге мы,
Загрямят рудники,
Загорит электрический свет.
А быть может быльем
Порастет, затеряется след
И о днях этих трудных поэмы
Не напишет поэт.

* * *

В геологии подвизаясь
Износил я уж много сапог.
Без конца по тайге скитаясь
Я её разлюбить не смог.

Пусть таежная жизнь не сладка,
Не сменяю на город я гор,
Воздух свеж в дырявой палатке,
А кругом свобода, простор.

Иногда промокший, голодный
Из маршрута на табор приду,
Чтоб согреться – в спальник холодный,
Словно мышка, в норку нырну.

Но быть бодрым стало привычкой,
Об уюте душа не болит,
А печаль для меня, как птичка,
Клюнет в сердце - и улетит.

Если пусто в моем желудке –
Я потуже стяну поясок
И в запасе найдется шутка,
Что заменит хлеба кусок.

Если грусти повеет ветер,
То любимая песня-сестра,
Я, да кедр, угрюмый кедр,
Загрустим втроем у костра.

И мечты о той, что не встретил,
До полночи уснуть не дадут,
Но наутро я бодр и весел,
Вновь по горам уйду в маршрут.

Леса

Сосновый лес опрятен, светел, чист,
А под ногами хвоя лишь да шишки.
Люблю его я, как художник Шишкин,
Еще люблю и как специалист.

Идешь свободно, видишь далеко,
Прибором не цепляешься за сучья,
Одежда, обувь сберегутся лучше
Да и ходить в таком лесу легко.

Ходить трудней гораздо в листвяке,
Кругом архитектурные излишки:
Колодины, коряги, есть и мишки
И часто жизнь висит на волоске.

А в сентябре прекрасны кедррачи,
Хотя и в них идешь не без помехи,
Зато когда закончатся харчи –
Как белочка, весь день грызи орехи.

Нет ничего в тайге берез милей.
Ну как пройти их, не любуясь, мимо?
Я в юности не мало чудных дней
Провел под ними со своею милой.

Я с детства полюбил лесов красу.
Но так как денег не было на дачу,
Я по другому разрешил задачу:
Работу подыскал себе в лесу.

Весной покину пыльную Читу
И лето все брожу здесь, как сохатый.
Тайга – мой дом, зеленый и богатый,
Здесь нахожу я деньги и еду.

Я крепко жизнь свою с тайгой связал.
Она мне все тропинки показала
И все свои секреты рассказала
И для нее теперь своим я стал.
1956

Таёжные этюды

С. Аброськину

1

Хорошо навьючен Вороной:

Радиометр, горный инструмент,
Войлок, тент, овёс, крупа, тушенка,
Макароны, масло, хлеб, сгущенка,
Спальники, посуда и брезент.

Как верблюдов, навьючен Вороной.

Мы идем таежною тропой,
А вокруг нас лес осенний, бурый
По горам лежит медвежьей шкурой,
Скучный, онемелый и пустой.

Тяжело ступает Вороной.

Слева в стороне большой отстой,
На него не только с Галгатая
Прибегают звери, жизнь спасая,
А выходит часто – на убой.

Прядает ушами Вороной.

Местные охотники века
Здесь излюблей били на отстое.
Как кресты на кладбище, рога
Средь камней ветшают под скалою.

Стой, поправим вьюки, Вороной.

Мы с тобой, Серега, молодцы,
Километров тридцать отмахнули
И на аномалию в Байцы
На закате солнца дотянули.

Притомился сильно Вороной.

Как щитом, крутым горбом горы
Мы от ветра с севера укрылись,
Место подходящее нашли:
Есть вода, дрова. Затаборились.

Пусть в ключе пасется Вороной.

В тальнике внизу ручей журчит,
На сухой вершине пестрый дятел,
Труженик таежный, наш приятель,
Как геолог, всё стучит, стучит.

Не ушёл б далеко Вороной.

2

Из брезента сделан балаган,
Разведен костер веселый, жаркий,
Котелок повешен на таган,
Наготове сахар, хлеб, заварка.

Вот и новый лагерь наш обжит!
До чего же прост в быту таёжник?!
Уж на углях жарится шашлык –
В этом деле ты большой художник.

Дом наш и просторен, и высок,
И красив к тому же непременно:
Со звездой полярной потолок
И тайгой расписанные стены.

Славно проживем здесь дня четыре,
Сделаем работу и домой
В Бальджикан, на зимние квартиры
Ты да я, Буран да Вороной.

Солнце село. Ярко над горой
 Заалели тучки и прокисли,
 Сразу ночь с немой тишиной
 Над тайгой осеннею повисли.

Притулясь спиной к стволу сосны,
 Посижу. Покою тело радо.
 Ночи в октябре длинны, длинны,
 Выспаться успеешь на три ряда.

Если ты наедине с тайгой –
 Время тихо тянется, как мысли,
 И, как мысли, в темноте ночной
 Над костром взвиваясь пляшут искры.

Примораживает. Каждый звук
 Увеличен в сто раз, как в пустыне.
 Звезды тихо свет холодный льют,
 В жухлых травах серебрится иней.

Спит Буран, свернувшись калачом,
 Нос прикрыл концом хвоста, хитрюга,
 Ухо наострил. Ни снег, ни вьюга
 Ему в этой шубе нипочем.

Месяц острый – серебристый рог,
 Что-то вдруг не в меру разыгрался,
 Взял да окунулся в котелок.
 Обварился и заколыхался.

Где-то рядом бродит Вороной...

Затрубил в хребте изюбрь в трубу,
 С хрустом мнет копытом хворостины,
 А другой ответил в сиверу
 И пошел на брачный поединок.
 Вторит эхо длинное зверью,
 Тишину сторожку нарушив.
 Этот звук, как музыку, ловлю
 И, как губка, впитываю в душу.
 Вот он снова ближе прокричал
 В темноту и жутко, и тревожно
 И опять надолго замолчал,
 Двигаясь бесшумно, осторожно.
 Лишь к утру изюбри вступят в бой,
 Будет он упорен и неистов,
 Стук копыт и треск рогов ветвистых
 Разнесутся гулко над тайгой.
 Проиграв за самку вечный спор,
 Слабый удалится, как обычно,
 А биолог скажет прозаично:
 Так идет естественный отбор.
 Месяц опустил над горой,
 Зацепился за макушку ели.
 Залезаю в спальник на покой,
 Но не сплю и думаю в постели:
 Как я мал в тайге – песчинка, след,
 Затерялся, как иголка в сене.
 Звезды льют с небес холодный свет.
 Как мала Земля во всей Вселенной.
 Может правда звезды, Млечный Путь
 Что-то вроде линзы телескопа?
 Око сверхгигантского Циклопа?
 Не постичь нам мирозданья суть.
 Вновь трубят изюбри – не уснуть.

За кустами фыркнул Вороной.

В дождь

По палатке дождь вторые сутки
Ровно, монотонно барабанит,
Капли, словно вечности минутки,
Все летят, летят, не перестанут.

От дождя кругом трава в росинках,
Молча плачет лес под легким ветром
И на землю капают слезинки,
Как с ресниц, с пушистой ветки кедра.

Потерялись за дождями горы,
Стало как-то пусто и уныло,
Будто мокрой тюлевой шторой
Нас от мира здесь отгородило.

И в тайге далекой, мокрой, серой
Рук твоих тепло я вспоминаю.
Перестанет дождь, уж это верно,
А тебя я встречу ли, не знаю.

Может ты теперь с другим счастлива,
Обо мне и думать перестала.
Эти мысли осенью дождливой
Мне тайга седая нашептала.

Монолог под дождем

Эй, шагай веселей по тропе, Калтарый!
Скоро мы уж с тобой на ночлег придем.
Ты такой же, как я, опытный и старый,
Нам с тобой не впервой мокнуть под дождем.

Вон за тем кривуном будет луг богатый,
Там развьючу тебя и сниму узду.
Заварю в котелке суп из концентрата,
Тебе травку щипать, мне – хлебать бурду.

Затрещит огонек – путника отрада,
Обсушусь и усну крепко у костра.
А вот шкуру твою и сушить не надо,
Ты иди и пасись в поле до утра.

А наутро опять в трудный путь далекий.
Бродим мы по тайге месяцы и дни.
Я, как ты же, тяну лямку в геологии –
С рюкзаком за спиной я тебе сродни.

Не тянись в поводу! Притомился, что ли?
Я за хлеб гну хребет, а ты за овес,
Только разница та: я по доброй воле,
А тебя до зимы в аренду сдал колхоз.

Эй, шагай веселей по тропе, Калтарый!
Уже скоро с тобой на ночлег придем.
Ты такой же, как я, опытный и старый,
Нам с тобой не впервой мокнуть под дождем.

У моря

Смывает время страны, города,
А море так же все, вздыхая, плещет,
Морская изумрудная вода
Шумит у ног волной тысячетней.

Живу уже я долго на земле,
И радость знал, а только больше горя
И жизнь моя напоминает мне
Как раз солено-горький привкус моря.

Года, как волны, плещутся в веках.
Плыву по жизни я по воле рока
И гавани заморской берега
Уже так близко и еще далеко.

А я качаюсь на волне зеленой,
Красивой, сильной, горькой и соленой.

* * *

Окончен отпуск. Словно пьян слегка
Домой я из столицы возвращаюсь.
Навстречу мне – сибирская тайга,
Бежит, одев манто из горносталя.

Лежу на полке. Засветил плафон.
А за окном густеет вечер синий.
Стучит, стучит, качается вагон.
Среди снегов плывет на край России.

Дорога и приятна, и легка.
Читаю превосходные сонеты
Шекспира в переводах Маршака.
Стихи читаю, как сосу конфеты.

Покой. А успокоенности нет.
В минуты эти я и сам поэт.

1961

Осень

Тихо роняют березы чеканную медь.
Рдеет закат, пламенея в полнеба, как жар.
Красный осинник горит и не может сгореть.
В небе пожар, в лесу пожар, в сердце тоже пожар.

Я как осенний осинник горю на ветру,
Но не сгорю, ты пожарников зря не зови.
А может быть счастье – это подобно костру
В злое ненастье сгореть на ветру любви.

Угли угаснут под слоем золы от костра.
Память и чувства вдруг не исчезнут как сон.
Кончилось лето и нам разъезжаться пора.
Может не раз еще вспомним мы этот сезон.

Тихо роняют березы последнюю медь.
Дождик, как слезы. Печально, но это не смерть.

* * *

Не разносит уж стук молотка
По лесам ветерок - непоседа.
Отцвела, отшумела тайга,
Отзвенело, как песенка, лето.

На чикойских глухих берегах
Скоро, скоро мой след неприметный
Заметут и завалят снега
И залижут холодные ветры.
К золотой веренице огней
Возвращаюсь на зиму я в город.
Загорелых, обросших людей
Быстро мчит вертолет через горы.

Я лечу над лесами и рад,
Оттого, что в Чите буду вскоре.
А вот мысли мои все назад
Возвращаются в Семиозерье.

Как линяющий заяц бежит,
Шерсть на сучьях в чащобе теряя,
Так и я вот клочки от души
И от сердца в тайге оставляю.

1961

14 октября

Осыпались березы и осинник.
Октябрь землю застелил ковром,
Заботливый, все выбелил кругом,
Он знает – я сегодня именинник.
Я тридцать пять годов со счета сбросил,
Уже полжизни время унесло,
А в жизни наступила тоже осень
И в сердце ржавых листьев намело.

Как быстро, быстро наше время мчится,
Как тройка по дорожке столбовой.
Глядишь и смерть прикатит уж за мной,
А я не удосужился жениться.
Но опыт мой – моим друзьям наука,
Холостякам классический пример:
Беззубый, лысый, без сынов, без внуков
Умру в одних трусах, как пионер.

Чем старше, тем года бегут быстрее,
Тем меньше впереди надежд нас ждет.
Блажен, кто о прошедшем не жалеет
И кто гнезда себе на век не вьет.
Еще вчера я был на год моложе,
Но жизнь течет, как горная река.
Заброшенный наш край успеет может
Открытьями прославить на века.

* * *

После долгой сибирской зимы
Наступило короткое лето.
Вновь поля и леса зелены,
Летним солнышком горы согреты.

Сдвинул набок голец Сохондо
Белоснежную бескозырку
И заплакал, а слезы его
Заструились по стенке цирка.

Вниз с вершин поднебесных вода
Устремилась потоком гремящим,
Начинается так Ингода
Изливаясь из каменной чаши.

Вознеслись к голубым небесам
Склоны гор, каменисты и круты.
Вот по этим глухим местам
Пролегают наши маршруты.

1970 г.

* * *

По гольцам, что смотрятся в Бальджу
И таежной древней песне внемлют
Целый день иду, прибором землю
Щупаю, как будто вглубь гляжу.

Едкий пот струится по лицу.
Целый день шагаю метр за метром,
За спиной ложатся километры
И маршрут приблизился к концу

Солнце тоже завершило путь
И уже за гору прячет спину,
Ночь ползет в глубокую долину,
Где змея реки блестит как ртуть.

Показался месяц-ноготок.
Я усталый в лагерь возвращаюсь,
В сумерках по лесу пробираясь
На приветный яркий огонек.

Вот совсем уж лагерь недалек,
Но в лесу стремительно темнеет
И идти становится сложнее:
Не повесить глаз бы на сучок.

Из маршрутов сходятся друзья,
У костра проходит шумный ужин,
Ружья чистим и одежду сушим,
Обсуждая результаты дня.

За полночь умолкнет разговор,
Разойдутся все на отдых краткий,
На часах – береза у палатки
Да мигает углями костер.

Лишь ручей, сверкая как алмаз,
День и ночь холодный, говорливый,
Сам себе бормочет торопливо
Вечно нескончаемый рассказ.

Дикторский текст к кинофильму «Радуга в камне»

Прекрасное часто от глаз невнимательных скрыто,
Оно не кричит, на весь свет о себе заявляя.
Вот камень как камень, невзрачный, налетом покрытый,
А что в середине – распилим, тогда и узнаем.

И вот в мастерской открывается вдруг под пилою
Прихотливый рисунок и яркие краски агата:
То космоса бездна, то пена морского прибоя
С экзотической рыбой, то красные крылья заката.

Весенняя пашня, Осенняя сжатая нива.
Мотыльков эфемерная пляска в ночи возле света.
Даурские степи. Строительства мирные взрывы.
Квадратное око. Ландшафт неизвестной планеты.

То встретится дивный узор (иллюстрация к сказке!),
Нерукотворное чудо не блекнущее веками.
Вобрали в себя забайкальского лета все краски
Агаты, агаты – застывшая радуга в камне.

* * *

Есть в верховьях дикого Чикоя
Ключ горячий и туда мой путь.
Встречный мне бурят махнул рукою:
- Так иди, за бродом отвернуть.

Будут пихты, как минуешь их ты
Там тропа налево отойдет,
В гору из долины Бугорихты
И в исток Горячей приведет.

Я дошел до перевала скоро,
Тут и до ключа недалеко.
Весело бежит тропа под гору
И по ней шагается легко.

На прогретой солнышком полянке
Воздух пахнет хвоей и смолой,
Он настоян, словно чай густой,
Ароматом кедра и лиственки.

Зимовье таежное встречает
Путника покоем, тишиной
И приветно стебли иван-чая
Розовой качают головой.

Домик у источника поодаль,
Белый пар курится у крыльца,
Слабый запах сероводорода,
Если проще – тухлого яйца.

Раздевалка, ванна – сруб лиственный.
Бьет из недр горячая вода
И по желобу стекает в ванну,
Сорок слишком градусов всегда.

Сколько здесь страдающих бывало,
Едут и идут лечить недуг,
Разнося о нем молву вокруг,
По рассказам многим помогало.

И, благодаря природы чуду,
Надпись выбивал на валунах
Исцеленный и домой отсюда
Шел пешком, забыв о костылях.

Кто открыл впервые эти ванны
Камни мне о том не говорят.
Может древний воин Чингиз-Хана,
Может древний скотовод-бурят.

Я ходил, ходил-ходил по свету
Наконец вот и забрел сюда
И лечу болезнь, которой нету –
Не вредна целебная вода.

Так после маршрута каждый вечер
Прихожу, сажусь в ванну я
И приятно мне ласкает плечи
Серная горячая струя.

Свежий, чистый и после купанья
Облегчен, как заново рожден,
На покой я лезу в теплый спальник,
Тишиной, как ватой, окружен.

Но опять меня моя работа
И отсюда в новый край зовет.
Конь завьючен. В путь! А не охота
Мне таежный покидать "курорт".

Письмо

Твое письмо – всего один листок,
Но стало вдруг теплее от него мне:
На свете я совсем не одинок
И обо мне, я знаю, кто-то помнит.

Известно, не согреться под луной,
Хотя и можно собирать иголки.
А я ловлю тоскующей душой
Любви и дружбы мелкие осколки.

Мне от тебя в таежные места
Летят в конвертах милые приветы.
Далекая подруга, как мечта:
Глаза закроешь – рядом, взглянешь – нету.

Я каждый день иду глухой тайгой,
А вы в тепле домашнего уюта.
Но я хочу, чтоб ты была со мной
Здесь в самую тоскливую минуту.

У нас с тобой свои дела, пути
И разные профессии при этом.
Так в океане бродят корабли
И шлют друг другу нежные приветы.

* * *

Я понял нам с тобой не по пути,
Хотя идти придется долго рядом.
Ты за соседство это уж прости
И мне судьбу благодарить не надо.

Твои обиды на меня не в счет,
Я все ж любил, меня ты не любила,
Но эта боль со временем пройдет,
А после вспомнишь – было и не было.

Увы! В тебе я друга не нашел
И больше нет любви, а сердце вольно.
Когда не любишь – тоже хорошо,
Немного грустно, но зато не больно.

Прощай, умри, мой глупый идеал!
Я сам тебя из ничего создал.

* * *

Солнце село за лесной опушкой,
Всплыли на небе звезд веснушки,
Всё замерло и только лишь одна
В бездонном небе плавает луна.

Вдруг метеор в одно мгновение ока
Черкнет недосыгаемо высоко
Полоску и исчезнет навсегда.
Вот и любовь такой бывает иногда.

Канарейка

Думал я цена любви – копейка
Ни печали, ни тоски не знал,
Но однажды встретил канарейку
И полгода все о ней вздыхал.

Изменил друзьям, своим привычкам.
Похудел и потерял покой
И крутился возле этой птички
Сам, как птица, в клетке золотой.

Ах, любовь, любовь, любовь-злодейка
Я из сердца дал тебе отвод.
Не нужна мне больше канарейка –
Пусть другому песенки поёт.

И зачем бродяге канарейка?
По земле он ходит налегке.
Я сменил пальто на телогрейку
И опять шагаю по тайге.

Ни печали, ни хандры не зная
Снова бодро песенки пою.
Но боюсь, опять любовь поймает
В западню коварную свою.

* * *

Где же тебя встречу и когда я,
Милая, хорошая, родная?
Отзовись подружка дорогая,
Может рядом ты, а я не знаю.

И хожу я с думою одною,
Что бы ты была всегда со мною,
Что бы сердце с сердцем под луною
Бились враз весеннею порою.

Ты всех лучше, краше и скромнее,
Потому тебя найти труднее,
Средь других тебя узнать сумею,
Только ты взгляни в глаза нежнее.

Вот и осень скоро уж наступит,
Не нашёл я, кого сердце любит,
Но понял: толку я воду в ступе –
Ты любая, что меня полюбит.

* * *

Я вижу вечной жизни торжество:
Толпа деревьев ветвями солнцу машет.
А на земле, где сыро – темный ствол
Как шубою накрыт хвоей опавшей.

Лежит, гниет... Кто дерево сгубил?
Или болезнь тихонько доконала,
Иль в непогоду ветер уронил? –
За землю плохо корнями держалось.

Причины я разгадывать не стал
И вновь пошел среди зеленой кущи,
А для себя сравненье отыскал –
Так и у нас среди людей цветущих:

Ослабнешь, потеряешь жизни нить.
Вот так же упадешь, и будешь гнить.

* * *

На полгода в тайге похоронен я,
Оборвалась связи тесьма.
Средь других живу белой вороною,
Ни привета мне нет, ни письма.

Словно все мои близкие умерли,
А в душе лишь тоска, пустота,
Будто зимние синие сумерки
В чистом поле, где нет ни куста.

Друзьям

Если вы вот тетрадку эту
Прочитаете, то скажите:
- Был, чудак, немного поэтом -
За стихи меня не судите.
Измарал я много бумаги
Для души и сердца утехи.
Пусть корявых стихов коряги
Вам останутся для потехи.
Никуда они не годились,
Не цветы – лебеда, крапива,
В них душа моя отразилась,
Как в воде лохматая ива.
Не сумел я сказать о многом,
Что почувствовал, что увидел,
Но никто никогда за это
На меня не будет в обиде.
Я поэзией не кормился,
(Нас кормили, как волка, ноги)
Стих отгачивать не трудился,
Находясь все время в дороге.
И тетрадь открывая редко,
Как и все бродяги на свете,
Свои вирши, словно наседка,
Не высиживал в кабинете.

Не испытывал по ночам я
Муки творчества – муки ада,
На ходу всегда сочинял я,
А не пишется – так не надо.

И вниманием не испорчен
Не искал я славы поэта,
Ради денег за жизнь ни строчки
Не втокнул ни в одну газету.

И когда вы тетрадку эту
Прочитаете, то скажите:
- Был в душе он немного поэтом –
За стихи меня не судите.

Эпитафия самому себе

Прожил я трудную жизнь,
На тот свет
Тихо, спокойно собрался.
Воин. Геолог. Фотохудожник, поэт –
Я состоялся.

Барановский Викентий Трофимович

ВОСПОМИНАНИЯ

В феврале 1942 года я был призван в ряды Советской Армии. Службу проходил в пулеметно-минометном училище Забайкальского фронта, а затем в составе 93 Отдельной стрелковой бригады участвовал в обороне боевых рубежей на правом берегу р. Волги юго-западнее Сталинграда (август-октябрь 1942 года).

Наш отдельный пулеметный батальон был сформирован из молодых бойцов-комсомольцев. Нас, пулеметчиков, направляли на самые трудные по боевой обстановке участки. Порою было тяжело и страшно, но мы твердо помнили слова: "Ни шагу назад" и "За Волгой для нас земли нет".

В конце октября боевые части перешли от обороны к активному наступлению. В одном из наступлений (27 октября) наше подразделение овладело высотой — очень важным для нас боевым рубежом. Весь день противник обрушивал на эту высоту артиллерийский огонь, предпринимая атаки. Будучи раненым, я оставался вместе со своими боевыми товарищами (нас насчитывалось всего 13 человек). С наступлением темноты подошло подкрепление стрелков и теперь мы радовались, что занятую утром высоту врагу не отдадим.

С тех пор прошло 30 лет. И совсем случайно в октябре 1972 года произошла радостная встреча с бывшим политруком пулеметного батальона — Морхаджи Бамбаевичем Нармаевым. Он был в командировке в Чите и встретился с боевыми друзьями. Об этой встрече газета "Забайкальский рабочий" за 29 октября 1972 г. поместила заметку, которую мы перепечатываем ниже.

М. НАРМАЕВ, бывший зам. комбата 93-й отдельной стрелковой бригады

В прошлом году я был в командировке в Читинской области. Узнав о моем приезде, в Читу прибыли мои однополчане: гвардии капитан запаса Алексей Александрович Озорнин и гвардии сержант Владимир Васильевич Мигулов. Мы вместе воевали в Сталинграде, под Белгородом, прошли всю Украину, форсировали Днепр.

Не виделись двадцать шесть лет. Естественно, в первые минуты встречи в основном восклицания. Когда немного успокоились начали расспрашивать об однополчанах — кто о ком знает, кто, где живет. Николай Николаевич Шардаков работает где-то в Свердловской области, Федя Гладких — так же на Урале, сталеваром. Вспомнили Нурму Закирова, забайкальца, нашего боевого старшину, первого снайпера части, он стал гвардейским офицером. После

войны Мигунов встречал Евгения Мусатова. Ехал на поезде с Дальнего Востока, заметил молодого подполковника. Тот тоже смотрел в его сторону. "Волodyка!" "Женька!" Друзья обнялись и проговорили до Петровск-Забайкальского, где сходил Мигунов.

Были и печальные вести. Наш друг, любимец части Герой Советского Союза Епифан Иванович Нечаев героически погиб в 1944 году в Одесской области.

В тот вечер мы вспоминали о многих наших однополчанах, в том числе и о Викторе Барановском. В одном и сталинградских боев он, восемнадцатилетний парень, одним из первых ворвался в окоп противника, в рукопашном бою уничтожил двух фашистов. Вскоре его ранило в плечо, но он продолжал бой. Ему предложили эвакуироваться, но солдат категорически отказался. Бойцы снова поднялись в атаку и в их рядах был раненый Барановский. Тут его ранило вторично, на этот раз в голову. И товарищи на руках вынесли Виктора с поля боя. В 1943 году я получил от него письмо из Иркутской области.

Читинское телевидение представило нам троим возможность выступить перед зрителями. Мы рассказали о товарищах по оружию, в том числе и о Барановском. Когда передача подходила к концу, нам принесли записку. Какой-то Барановский просил позвонить по телефону.

Мы переглянулись, подошли к телефону и набрали номер.

– Мы из студии телевидения. Вот просили позвонить.

– Да, просил. Я, Барановский...

– Какой Барановский? Виктор?

– Да, Виктор. Увидел вас по телевидению.

В тот же вечер мы встретились в гостинице. Виктор рассказал о себе. После ранения долго лечился. Потом возвратился в Иркутскую область, работал в совхозе "Сибиряк". Затем - учеба в Ленинградском горном институте. Теперь работает по специальности в Чите, в геологоуправлении. Мы порадовались за Виктора. Потом я вспомнил:

– Виктор, а ты орден получил? Ведь тебя представили к ордену Красного Знамени.

– Да, получил. Только не сразу.

Оказывается, награда его искала полтора года.

Вот какая интересная встреча была у нас с Виктором Барановским. Человек он чрезвычайно скромный. Наверное, даже сослуживцы не знают о его боевых подвигах, в том, что он — герой Сталинграда. Надо только внести маленькую поправку. В Сталинграде мы звали его Виктором, но по документам он Викентий Трофимович.

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ БЕЗ ПРИКАЗА

Николай ОСИПОВ, для "Эффекта"

Сталинградская битва - одно из решающих сражений Великой отечественной войны - стала главным событием боевой жизни Викентия Барановского

Когда отдельная 93-я стрелковая бригада с тремя пулеметными ротами заняла огневые позиции, Викентию Барановскому исполнилось всего семнадцать лет. Крестьянский парнишка успел закончить 8 классов, как Отечество взбудоражили грозные призывы "Вставай, страна огромная", и в дом Барановских принесли две повестки - отцу и сыну. Викентию даже не удалось забежать домой проститься с родными. Новобранцев привезли на станцию Дивизионная, где располагалась минометно-пулеметная школа.

Жизнь для нас после дома и школы оказалась тяжелой, - вспоминает Викентий Трофимович, - ранний подъем, бегом на стрельбище. Пулемет - не винтовка: 32 кг - станина, 11 кг - тело, 8 кг - щиток, и все это на плечах. Стреляли, правда, хорошо. Кормили нормально, через день рисовую кашу давали. Я ее раньше в глаза не видел. И никаких стычек, никакой "дедовщины" не было.

В знойные июльские дни вермахт развернул генеральное наступление на Сталинград. В конце августа 4-я танковая армия немцев прорвала фронт 64-й армии и вышла к Волге. Бои завязались в городе, дрались за каждый дом, за каждый этаж.

- Снайперы били по каждой амбразуре, голову поднять было невозможно. Несколько раз меняли позиции. Вдруг слышим, речь не наша - к немцам заporолись. Не успели очухаться - полетели ракеты. Одному прострелили мягкое место, но мы выбрались без потерь. Несколько раз, поддерживая стрелков, ходили в атаку, врукопашную дрались.

- Как встретили приказ № 227?

- Нормально встретили, мы же комсомольцами были и без приказа стояли насмерть. Мы не только оборонялись, мы рвались вперед. Перед нами стояли румыны, окопы полностью завалены погибшими - не пройдешь, страшное дело было.

В истории Великой Отечественной отмечено: "Упорные бои с 25 октября развернулись на правом фланге 64-й армии в районе Купоросное-Зеленое Поле. Особенно отличились воины 93-й стрелковой бригады подполковника Н.З. Гагай, в которой как раз и сражался самоотверженно наш земляк Барановский. И вот как он сам описывает свой последний бой 27 октября 1942 года:

- Мы рванулись в контратаку в сторону Лысой Горки. Немного пробежали, вдруг слева шквальный огонь по нам, и нас отбросили. Мне попало в плечо. Сгоряча сунул руку в карман шинели, подхватили с напарником пулемет - и дальше, побежали. Тут меня оглушило, пуля пробила каску, кровь полилась, ничего не вижу.

Снайперы били по каждой амбразуре, голову поднять было невозможно. Несколько раз меняли позиции. Вдруг слышим, речь не наша - к немцам заporолись.

Меня товарищи затащили в блиндаж, отбитый у немцев, добротный, в 3-4 наката. Осталось нас 13 человек, часть раненые, как я. Наступил вечер, надо выставить боевое охранение. Автомат дали мне, гранаты положили рядом. Что делать? Хоть зубами кольцо выдергивай, рука не действует. И немцы ползли. Я приспособился, на штык кольцо надевал, выдергивал и бросал гранаты. Обстрел начался минометный, осколки свистят над головой. Все же нас, раненых, сумели вывести с позиций. Навстречу Гошка Засухин, мой дружок, тоже из нашего совхоза. "А мы, - говорит, - считали вас погибшими". "Ничего, - говорю, - живы, слава Богу, значит, не помрем".

7 Ноября Викентий встретил в Саратовском госпитале, а через месяц ему сказали: "Езжай домой".

- Коротко, но тяжело досталось мне, - подытожил фронтовик свою боевую эпопею.

Викентий Барановский - солдат-ветеран

За этот бой 27 октября Викентий Трофимович награжден орденом боевого Красного Знамени. А его однополчанин калмык Мархаджи Бамбаевич, после войны ставший писателем, посвятил Барановскому стихотворение, где справедливо заметил:

**"Война накормила свинцом до отвала,
В каждом теле солдатском металла кладь".**

Первое послевоенное фото
на память любимой

Вернувшись на родину, бывший пулеметчик поступает в Ленинградский горный институт, который в то время был эвакуирован в Черемхово. Через год вместе с коллективом студентов и преподавателей Барановский отправляется в город на Неве, успешно учится, помогает восстанавливать из руин разрушенные кварталы. Здесь успел обзавестись семьей, пригласив ярославскую дивчину-однокурсницу, и в 1950 г. с новенькими дипломами инженер-геологоразведчиков оба приезжают по направлению в Читу, где только что организовалось геологическое управление, и работы предстояло - непочатый край. Было создано более ста разведочно-поисковых партий, для которых требовались молодые, смелые специалисты, способные перевернуть горы. И вся последующая жизнь была отдана служению геологии, поискам подземных кладов, созданию трудов по геологической изученности Забайкалья.

Потеряв безвременно ушедшую супругу Киру Владимировну Викентий Трофимович коротает дни с детьми и внуками, борется, как может, с фронтовыми ранами и, как многие ветераны, осуждает непродуманные реформы.

Надо платить нормальные пенсии, и тогда не надо никаких дотаций. В Сталинграде мы выстояли не за такую Россию.

НАРМАЕВ МОРХАДЖИ

САМЫЙ ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

(источник: <https://stihi1941-1945.ru/item/samyj-pamyatnyj-den>)

Над холмами звень.
Над холмами, над светлым жнивьем...
Этот день, этот памятный день,
Он останется в сердце моем.

Как знакомы мне эти места,
Эти дали холмистых степей!
Только здесь есть одна высота,
Что я кровью всей помню своей.

Сталинград! Был конец октября,
Помню явственно все, как сейчас:
Чуть всплеснула над Волгой заря,
Получил я повторный приказ.

Поднимаю в атаку ребят.
Поредевшей мы цепью пошли...
До сих пор под ногами скрипят
Комья серые зыбкой земли.

Молча шли мы сквозь пламя, сквозь дым,
Прижимая оружие к груди.
Вася Галенков, друг, побратим,
Как всегда, был у нас впереди.

И запомнилось: шел в том строю
Барановский Викентий, солдат.
Трижды ранен был парень в бою...
Не ушел с высоты в медсанбат.

Зарастают окопы травой,
Где стрелковый стоял батальон.
Давний бой, для меня этот бой –
Никогда не окончится он.

На земле грозных лет письма
Навсегда свой оставили след.
Здесь мне орден вручила страна,
Здесь я свой заслужил партбилет!

Над холмами вечерняя тень...
Догорает над степью заря...
Сталинград, самый памятный день.
Двадцать пятое октября...

Перевод Л. Кривошеенко